

Син-гэ'эр с живейшим любопытством кружил вокруг новой печи.

Как только заказ привезли домой, Ли Да, не откладывая дело в долгий ящик, сколотил несколько низких табуретов. Благо в дровянике всегда хватало обрезков и подходящих досок: работа спорилась, и вскоре три крепких сиденья были готовы. Ли Чжоучжоу всё утро хлопотал по хозяйству и планировал после обеда заняться обивкой. Он хотел отобрать старую, совсем уж изношенную одежду, вырезать крепкие лоскуты и сшить из них мягкие сидушки, чтобы табуреты стали удобнее.

— И что это такое? — Син-гэ'эр обернулся к вошедшему в комнату Ли Чжоучжоу. — Я-то вижу, что печка, но такой чудной никогда не встречал.

Чжоучжоу нес в руках большую миску с семечками и арахисом — угощение для гостя. Поставив её на длинную лавку, он указал на табурет:

— Садись, в ногах правды нет.

Сам он тоже присел, подтянув деревянное сиденье поближе. Син-гэ'эр последовал его примеру. Усевшись так, чтобы ноги были совсем рядом с очагом, он довольно зажмурился:

— Ох, и тепло же от неё!

— Это мой сянгун придумал, — с тихой гордостью пояснил Ли Чжоучжоу. — Решил, что если обычную аптекарскую печь увеличить, то на ней и воду греть можно, и еду готовить, и комнату обогревать. Видишь, теперь в зале совсем не зябко. — Он пододвинул миску гостю. — Угощайся.

Син-гэ'эр церемониться не стал. Зачерпнув горсть и принявшись щелкать семечки, он, услышав про «аптекарскую печь», невольно отодвинул ноги подальше.

— Аптекарская? — он с сомнением покосился на огонь. — Не боишься такую вещь в доме держать? Примета ведь дурная, болезнь накличет.

— Раз она стала больше и на ней не варят лекарства, значит, это уже не аптекарская печь, — непривычно твердо возразил Чжоучжоу.

Эта идея принадлежала Гу Чжао, и Ли Чжоучжоу считал её просто блестящей.

Син-гэ'эр сплюнул шелуху прямо в ладонь.

— Вот уж точно — стоит тебе выйти замуж, как ты за своего сянгуну горой стоишь. Слова против него не скажи! Да ладно тебе, не дуйся, я ведь ничего плохого не имел в виду. Вижу, что живете душа в душу, так что помалкиваю.

Чжоучжоу лишь коротко хмыкнул и принялся за работу.

В руках у него была старая куртка, которую он носил еще в тринадцать-четырнадцать лет. Её не раз латали, надставляли штанины кусками другой ткани, перешивали рукава, чтобы сделать их длиннее. К пятнадцати годам одежда совсем истерлась, ткань стала такой тонкой, что готова была расползтись после первой же стирки.

Но даже в таком виде вещи не выбрасывали — бережно хранили в сундуках. Чжоучжоу пальцами измерил сиденье табурета, приложил к нему ткань и решил сшить чехол в два слоя, чтобы было надежнее.

По комнате разнесся мерный стрекот ножниц. Ли Чжоучжоу сосредоточенно кроил, зная: спрашивать ни о чем не надо, Син-гэ'эр сам всё расскажет.

Тот и впрямь не заставил себя ждать. Наблюдая за работой друга и споро щелкая семечки, он заговорил:

— Всё из-за той нашей поездки в городок. Я ведь хотел тогда поехать, просил старшую невестку присмотреть за Юаньюанем один денек. Она-то слова не успела сказать, как свекровь влезла. Мол, до Нового года еще уйма времени, чего в такую рань в город соваться, дома и так всего полно, незачем деньги на ветер выбрасывать...

Гость возмущенно фыркнул.

— «Всего полно»! Как же! Юаньюаню, чтобы кусочек солодового сахара получить, надо сначала бабушке в глаза заглянуть — не гневается ли та. А еда? Мы едим то, что свекрови сегодня по нраву. Захочет она пересолить — сыплет горстями, а мне иногда и посолить-то лишний раз не дает, за каждую крупицу отчитываться надо.

В доме семьи Ван всем заправляла матушка Ван. Кухонный шкаф всегда был заперт на замок: соль, сахар, яйца, горшки с жиром — всё хранилось под ключом. Каждое утро свекровь сама отпирала закрома, выдавала продукты на день, а после готовки снова щелкала замком.

Жили они ох как бережливо. Ли Чжоучжоу уже не раз слышал об этом от друга.

— Свекровь твоя, может, и прижимиста, да и на язык остра, но в душе-то она человек неплохой, — заметил хозяин дома, принимаясь за иголку с ниткой.

Син-гэ'эр замялся, поглядывая на полную горсть шелухи в ладони. Ли Чжоучжоу чистоту

любил, да и сам гость не был неряхой. В своем доме он мог позволить себе вольность, но в гостях никогда бы не стал нарочно мусорить.

— Бросай прямо в печь, — подсказал Чжоучжоу.

Син-гэ'эру это предложение показалось забавным. Он высыпал шелуху в огонь, наблюдая, как она с треском сгорает, и потянулся за новой порцией угощения.

— О чем я говорил? Ах, да. Свекровь-то моя всё на других оглядывается. Но как она меня пилит целыми днями — у меня голова пухнет! А старшая невестка — та вообще как тесто, слова против не скажет, что ей ни вели. Вот и мне приходится терпеть, а то выйдет, будто я один в семье смутьян.

Семья Ван жила одним большим домом, не разделяясь. Все доходы от продажи зерна и скота стекались к матушке Ван, а в конце года она выделяла каждой из семей сыновей по пятьдесят гуаней — на личные нужды. Деньги от продажи яиц или птицы, которую невестки выращивали сами, она не забирала.

Все ели из общего котла, расходы на который шли из общей казны. Если хотелось чего-то особенного, можно было приготовить у себя, не трогая общие запасы масла и соли. Свекровь в таких случаях могла лишь поворчать, мол, ишь, лакомки выискались, но в дела не вмешивалась.

Жизнь в большом доме полна мелких раздоров, но в целом они ладили. Син-гэ'эр и сам это понимал, но постоянные попреки свекрови выводили его из себя.

— Когда мы из городка вернулись, я и впрямь многовато накупил, но ведь на свои, из заначки! Я и старшей невестке солодового сахара в руки насыпала, и детям её перепало... А свекровь опять завела волюнку: мол, транжира я, чужие деньги трачу. А разве не мы с невесткой этих кур да уток растим? Я и траву для свиной кошу, и воду таскаю, рук не покладая. Просто не по нраву я ей, вот и всё... Потому что я гэ'эр.

Юноша решительно швырнул шелуху в печь.

— Ну и пусть! Главное, что муж меня любит таким, какой я есть.

Он перевел дух и продолжил:

— Ладно, бог с ней. Слушай, в ту ночь ведь снег повалил? На утро невестка сказала, что мне повезло обернуться до холодов, а то застрял бы я дома на добрую декаду.

Со своей старшей невесткой Син-гэ'эр общего языка не находил — та казалась ему слишком мягкотелой и покорной. Но услышать от неё слова поддержки было приятно.

— Ты её сахаром задобрил, — вставил Ли Чжоучжоу.

Син-гэ'эр лишь вздохнул. Чтобы Юаньюанюшний раз досталось сладкого, ему приходилось хитрить. Чтобы не ссориться со свекровью из-за пустяков, он отдал невестке несколько кусков солодового сахара — из них можно было сварить целую кастрюлю сладкой воды на всю семью.

— И сколько ты ей отдал?

Син-гэ'эр замялся.

— Да неловко мне было... Да и свекровь позлить хотелось. У неё в доме двое детей, вот я и дал четыре куска, — голос его становился всё тише. — Не так уж это и дорого.

Ли Чжоучжоу лишь покачал головой. Отложив шитье, он подошел к печи. Вода в котле уже весело побулькивала. Подложив тряпку, чтобы не обжечь руки, он снял котел и наполнил стоявший на столе большой чайник.

— Пей, пока горячее. Если остынет — еще добавим.

Время еще было раннее, костный бульон он планировал варить чуть позже. Чжоучжоу отставил котел в сторону, чтобы тот не мешал, и подбросил в печь немного щепы. Жар стал мягче — как раз для долгой беседы. Налив гостю полную чашку, он подал её Син-гэ'эру. Тот, разгоряченный разговором и семечками, с благодарностью принял чашку и замер.

— Это не просто вода? Сладким пахнет.

Он принялся.

— Ты добавил унаби?

— Да еще полкуска солодового сахара. Мой сянгун очень такое любит, — Ли Чжоучжоу наполнил вторую чашку для себя, а остальное в чайнике унес в спальню, для Гу Чжао.

Син-гэ'эр лишь тихонько проворчал себе под нос, мол, надо же — взрослый мужчина, а сладости любит как дитя малое. Но вслух ничего не сказал. Подув на воду, он сделал глоток и довольно прищурился. Вкус был отменный — сладкий, с легким ароматом сушеного унаби.

Без тяжелого котла печь грела еще лучше. Юноша сидел в тепле, прихлебывая сладкий настой, и от его прежнего предубеждения против «аптекарской печи» не осталось и следа.

— Знаешь, Чжоучжоу, а печка твоя — просто чудо. — Он улыбнулся и добавил: — И муж у тебя

очень умный.

Хозяин дома едва заметно улыбнулся в ответ.

— Мы заказывали у гончара Чжу в деревне Шили. За шестьдесят вэней он сделал нам две печи и два котла.

Ли Чжоучжоу не стал упоминать, что гончар сделал им скидку в десять вэней за то, что первым испытал их новинку.

— А вторая где? — глаза Син-гэ'эра азартно блеснули. — Продай её мне! Я честную цену дам, не обижу.

Но Чжоучжоу покачал головой.

— Не продам. За ней отец послезавтра пойдет. Поставим её в спальне, чтобы мужу было тепло, когда он за книгами сидит.

Син-гэ'эр разочарованно вздохнул. Раз вещь предназначалась для Гу Чжао, выпросить её было невозможно. Они проболтали еще добрых полчаса. Гость впервые чувствовал себя у них так уютно — и это без посиделок на кане, что в чужом доме всегда казалось ему немного неловким.

Уходя, он заметил, как Ли Чжоучжоу ставит на печь томиться большую берцовую кость.

— Не жалко тебе дров на такую долгую варку?

— Сянгун говорит, что это силы придает, — ответил Чжоучжоу. И, видя, что Син-гэ'эр не придает его словам значения, добавил: — А если добавить унаби, то это очень полезно для тех, кто хочет понести.

Вот тут Син-гэ'эр сразу наострил уши.

— Так бы и сказал! А то «силы, силы»... А ведь и верно, надо подкрепиться. Я ведь уже больше года в доме Ванов, а живот всё пустой. Сколько я из-за этого попреков наслушался.

— Тебе-то спешить некуда, — добавил Син-гэ'эр, — не то что мне: надо мной свекровь как коршун стоит.

Ли Чжоучжоу проводил друга до ворот.

Он вспомнил, как в двенадцать лет Син-гэ'эр бросился в ледяную реку спасать младшего брата. Дело было ранней весной, холода еще не отступили. Оба мальчика тогда сильно занемогли. Вторая тетушка, мать Юаньюаня, души не чаяла в сыне и лечила его на совесть, заставляя пить лекарства, а Син-гэ'эру давала лишь «вторяк» — настой из тех же трав, заваренных по второму разу.

Отвар после второй варки теряет почти всю силу. Именно из-за этого когда-то не стало его А-де. Ли Чжоучжоу был тогда совсем мал и мало что помнил, но всё же набрался смелости сказать об этом Второй тетушке, за что та, конечно, его и отчитала.

— Твой отец пил отвар, который заваривали по пять раз! А тут — второй облив, сила еще есть. А ну брысь отсюда! Не мешай мне Гуанцзуна лечить! Мы уже разделили хозяйство, и не тебе, мелюзге, соваться в дела моей семьи!

Чжоучжоу тогда было всего тринадцать. Он тайком продавал яйца, копил гроши и в итоге купил Син-гэ'эру две порции настоящих трав. Варил их сам, на большой плите, пока отец не видел — знал, что тот не любит родню из второй ветви и рассердится из-за трат.

Син-гэ'эр тогда тайком бегал к нему лечиться. Всего две порции трав... Трудно сказать, они ли помогли или молодой организм справился сам, но парень выкарабкался.

После той болезни Син-гэ'эр изменился. Он по-прежнему любил братьев и сестер, но былой слепой преданности в нем не осталось. А когда он вышел замуж в семью Ван и за год не смог зачать, свекровь начала шептаться за его спиной, да и в деревне поговаривали, не застудился ли он тогда в ледяной воде.

Ли Чжоучжоу тогда не понимал, о чем речь. Лишь теперь, когда сянгун рассказал ему о том, как берегут себя городские женщины, он начал догадываться, что болезнь Син-гэ'эра могла оставить след.

— Кости да унаби стоят копейки, но дров уходит — прорва, — продолжал сокрушаться Син-гэ'эр. — Моя свекровь ни за что не позволит мне жечь огонь всё послеобеденное время. Обзовет бездельником и транжирой.

Син-гэ'эр тяжело вздохнул.

«Ладно, как-нибудь проживем. Юаньюань у меня есть, а об остальном — как бог даст»

Но в глубине души он очень хотел поправить здоровье и родить еще одного ребенка. В деревне один сын — не опора, помощники нужны.

«А печка у Чжоучжоу и впрямь ладная. В маленьком котелке много дров не надо, а если будет ворчать — заставлю своего мужика в лес за валежником сходить»

С этими мыслями Син-гэ'эр и добрался до дома. Свекровь, завидев его, тут же подала голос:

— И где это тебя опять носило?

Син-гэ'эр терпеть не мог эти расспросы — вечно из них выходило так, будто он не к другу зашел, а по пустошам неприкаянным бродил.

— У Чжоучжоу был, — сухо отрезал он.

Свекровь промолчала, лишь велела поторапливаться с ужином.

На кухне юноша помогал старшей невестке и всё не мог удержаться — рассказывал про чудо-печку:

— ...вот такой высоты! Поставили прямо в зале, сидели весь день в тепле. И воду вскипятить можно, и сварить что — милое дело.

— Глупости всё это, — отмахнулась матушка Ван, недовольно поджав губы. — Только дрова переводить. Тебе что, большой плиты мало?

Старшая в доме всегда встречала его идеи в штыки, считая, что он только и думает, как бы пустить по ветру деньги её второго сына.

— А звучит-то неплохо, — робко вставила госпожа Сюй.

Но дальше слов дело не пошло. Син-гэ'эр лишь досадливо помешивал угли в плите: невестка всегда была мастерицей обходить острые углы. Сказала — и в кусты, а он надейся, что она поддержит. Госпожа Сюй, вспомнив про солодовый сахар, всё же решилась спросить:

— И дорого за неё просят?

— Да копейки! Чжоучжоу говорит, за шестьдесят вэней можно два набора справить — и печи, и котлы. Дров уходит мало, зато в комнатах тепло, днем и кан топить не надо — вот тебе и экономия...

Син-гэ'эр не жалел красок, надеясь уговорить невестку купить печи вскладчину. Но ту цена в шестьдесят вэней напугала. Пусть даже за две штуки — всё равно по тридцать вэней с каждой семьи. На эти деньги можно три цзиня мяса купить или сахара полную миску, а за пользование большой плитой платить не надо.

«Нет, чистая трата денег», — решила она.

Син-гэ'эр сгоряча проговорился, что печь-то — переделанная аптекарская. И тут же понял: зря. Госпожа Сюй тут же ухватилась за повод:

— Раз аптекарская — значит, не к добру её в доме держать. У тебя Юаньюань маленький, надо о ребенке думать.

— Вот именно! — подхватила свекровь. — Лишь бы деньги промотать. О ребенке бы подумал, а не о глупостях.

Молодой гэ'эр кипел от гнева и обиды. Он был родным отцом Юаньюаня, неужели он мог желать ему зла?! Он понимал: свекровь просто ищет повод отказать ему в покупке.

«Зря я старшей невестке четыре куска солодового сахара отдал. Знал бы — и одного хватило бы!»

За ужином Син-гэ'эр почти ничего не съел, отодвинув миску мужу. Ван Шитоу, видя, что мать не в духе, промолчал, доел за своим фуланом и лишь в спальне решился спросить:

— Что случилось? Невестка тебя обидела?

— Ван Шитоу, не мели чепухи! — Син-гэ'эр сердито сверкнул глазами. — Стал бы я на невестку обижаться? Она тихая как мышь, если я на неё сорвусь — выйдет, что я злой да придирчивый. Я разве такой?

Ван Шитоу обнял мужа:

— Да нет же, нет... Ну, так что стряслось?

— Печку хочу... — прошептал тот и рассказал про целебный бульон и про то, как матушка Ван его обидела. — ...совсем она меня за родного не считает. Неужто я Юаньюаню враг? Я же его сам родил!

Ван Шитоу еще с юности втайне обожал Син-гэ'эра и не мог видеть его слез. Мать вечно ворчала, что тот транжирит деньги, но Шитоу знал: муж его знает цену каждой монете.

— Купим. Дрова я сам в лесу собираю. Завтра же схожу к дяде Ли, спрошу, где заказывали, и съезжу в Шили. Как будет готово — сам на плечах принесу.

Зима всё равно долгая, работы в поле нет — что ему, в самом деле, трудно пару раз прогуляться?

<http://bllate.org/book/15349/1417470>